

ПИСЬМА А. С. ШИШКОВА К ЖЕНЕ

(1797 — 1798 гг.)

Часть I

ПУБЛИКАЦИЯ Л. КИСЕЛЕВОЙ

Публикация новых материалов по биографии А. С. Шишкова — явление в исследовательской литературе редкое. После знаменитого двухтомника: *Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова* (Берлин, 1870) таких публикаций, практически, не было.

Биография автора "Рассуждения о старом и новом слоге российского языка" и основателя "Беседы любителей русского слова" мало занимала современников и исследователей. Официальные биографы (в частности, историки флота) довольствовались изучением послужного списка, филологи ограничивались исследованием полемики о старом и новом слоге, историки — рассмотрением манифестов эпохи 1812 г., деятельности Шишкова-министра и члена Государственного совета. Можно сказать, что А. С. Шишков еще ждет своего биографа, который поставит перед собой задачу осмыслить его личность в становлении, развитии и во всех достаточно многообразных и сложных ее проявлениях.

Нельзя сказать, чтобы в нашем распоряжении было мало биографических материалов об А. С. Шишкове. Свою долгую жизнь Шишков прожил в Петербурге, и катастрофа, постигшая московские домашние архивы в 1812 г., его миновала. Он сам был педантично-аккуратен в хранении своих бумаг и документов, т.к. не сомневался в их ценности для истории. На склоне лет Шишков настойчиво занимался публикацией своего наследия. Работая над составлением "Собрания сочинений и переводов адмирала Шишкова" (1-ый том вышел в 1818 г., последний — 17-ый — в 1839), он стремился включить туда все, что когда-либо выходило из-под его пера. Видимо, тогда же, в 1810-е гг., он начал систематически работать над своими мемуарами, обрабатывая для этого свои дневники и письма. Написанная (или сохранившаяся?)¹ часть мемуаров, в основном, опубликована.

В "Записках" Шишкова много интересного и неожиданно. Они раскрывают нам ту концепцию личности, которую сам Шишков стремился передать потомству, повествуя о перипетиях своей судьбы, о ее переплетениях с эпохой и людьми эпохи — великими и малыми. Дешифровка "Записок" как исторического и биографического источника² — один из необходимых этапов проникновения в "мир Шишкова". Важно, однако, иметь источники, которые позволили бы "проверить" сведения, оценки и сам принцип отбора материала для мемуарного повествования. Здесь, среди других источников, особое значение приобретают письма "раннего" Шишкова. К их числу принадлежат и публикуемые нами.

Оригиналы писем А. С. Шишкова к первой жене — Дарье Алексеевне за 1797 — 1798 гг. хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома.³ Большой объем писем вынудил нас разделить публикацию на две части.⁴

Письма относятся к тому — достаточно краткому — периоду жизни Шишкова, когда он был в особой милости у императора Павла, быстро продвигался в чинах и был назначен (10. VII 1797 г.) генерал-адъютантом от флота. В начале декабря 1797 г. он был послан с особым поручением в Вену. Публикуемые письма к Д. А. Шишковой написаны во время этой служебной поездки, растянувшейся почти на девять месяцев. Дело было деликатное, не совсем ясное и поэтому секретное. В письмах к жене Шишков ни словом не упоминает о существовании порученного ему дела; ничего не сказано о нем и в письме к Шишкову государственного казначея барона А. И. Васильева от 8 декабря 1797 г.⁵ Лишь в своих "Записках" А. С. Шишков не только разъясняет суть поручения, но и публикует текст высочайшего указа к нему от 5 декабря 1797 г.⁶

Дело, которым Шишкову пришлось заниматься, весьма хорошо выражает дух павловской эпохи.

Некто граф Пфаффенгофен, отрекомендовавшийся родственником Павла I, прислал императору письмо, где предлагал свои услуги по найму в русскую службу голландских моряков, эмигрировавших из Голландии после французской оккупации. Павел I, которому импонировала идея выступить продолжателем дела Петра Великого, решил нанять до двух тысяч голландских матросов. С величайшей скрупулезностью он заранее определял, как следует их принимать, куда направлять, какое жалование им назначать (разумеется, большее, чем собственным подданным), как они будут присягать ему на верность и т.д. Не был забыт и гр. Пфаффенгофен, который тоже заранее принимался

в русскую службу с обещанием "употребить образом, породе его свойственным" и с уверением, что он "может положиться на щедрость и благоволение" императора. Между тем, Шишкову так и не удалось отыскать ни самого Пфаффенгофена, ни голландских матросов, предназначавшихся для русской службы. В Вене русский посол гр. А. К. Разумовский известил Шишкова, что Пфаффенгофен "по какому-то на него неудовольствию австрийского двора"⁷ уехал в Дрезден, а в Дрездене оказалось, что он отправился в Регенсбург. Фельдъегери, исправно посылавшиеся Шишковым с донесениями, непрерывно сновали между Веной, Дрезденом и Петербургом, пока, в конце концов, не было решено прекратить это авантюрное предприятие.

Шишков, уезжая за границу, лелеял собственные планы: он заранее выговорил себе отпуск и рассчитывал полечиться в Карлсбаде на водах. Однако Павел и тут не преминул превратить отпуск в службу. На Шишкова было возложено еще одно секретное поручение самого неприятного свойства. Генерал-адъютант императора превращался в шпиона, который должен был следить за поведением русских за границей, — особенно за Зубовым, Орловым, Разумовским, — и доносить о них в Петербург. В "Записках" Шишков признавался: "Сие поручение, которым я гнушался, <...> произвели во мне и омерзение и страх".⁸ Неприятности доставлял и сын павловского времечника П. И. Кутайсов, которого отец отправил путешествовать по Европе вместе с Шишковым. Вся эта информация в письмах в жене отсутствует. Правда, обсуждать полученное в Петербурге поручение не было необходимости — Д. А. Шишкова, конечно, знала о нем. Описывать же дальнейший ход дел было, естественно, невозможно, т.к. переписка шла по официальным каналам или через мало знакомых людей. Поэтому письма 1797—98 гг. целиком сосредоточены на впечатлениях о путешествии, светских и семейных новостях.

Это был не первый заграничный вояж Шишкова. Как военный моряк он успел побывать в Швеции (1771—72 гг.), обогнуть Европу по пути из Петербурга в Константинополь и обратно (1776—79 гг.). Во время этого трехлетнего путешествия он побывал в Дании, Англии, изъездил всю Италию, многие месяцы провел в Константинополе.⁹ Шишкову было с чем сравнивать впечатления от своего первого сухопутного путешествия в центральную Европу. Заметим и то, что его маршрут во многом пересекался с маршрутом путешественника из "Писем русского путешественника" Н. М. Карамзина. Словом, у Шишкова могла возникнуть масса литературных и житейских ассоциаций, сравнений и противопоставлений.

Ничего этого в письмах нет. Зато перед нами предстает Шишков — заядлый театрал, понимающий толк в картах, предающийся светским удовольствиям,¹⁰ и — одновременно — заботливый семьянин, с увлечением покупающий подарки жене и тетушкам, озабоченный покупкой белья впрок и по дешевке, обсуждающий вопрос о женитьбе брата и неуклюже острящий на эту тему. Такой Шишков мало напоминает описанного С. Т. Аксаковым "многоученого мужа", который "был совершеннейшее дитя в житейском быту; жил самым невзыскательным гостем в собственном доме, предоставляя все управлению жены и не обращая ни малейшего внимания на то, что вокруг него происходило".¹¹

Шишков, раскрывающийся перед нами в письмах конца 1790-х гг., явно ощущает себя главой семьи, на котором лежит ответственность за ее благополучие. Сдержанный тон писем не может скрыть неподдельной нежности к жене и брату, тяги к дому и семейному кругу.

Еще одна характерная черта личности Шишкова нашла отражение в письмах к жене. Иерархически мыслящий Шишков относится к просьбе слуги или данному ему обещанию с той же щепетильностью, как и к обязательствам перед дворянами, и очень озабочен, чтобы крестьяне, пришедшие в его дом, были приняты радушно. Эта черта, отмеченная и С. Т. Аксаковым, сохранилась в Шишкове до конца жизни. Уже почти слепой, он выводит старческой рукой письмо к И. Ф. Крузенштерну: "Милостивый государь Иван Федорович. Вручитель сего свойственника моего человек, отпущенный на волю, просит меня, чтоб я обезпокоил вас моим письмом, и как прозба его справедлива, то и не мог я ему отказать. — Один из ваших подчиненных купил у него лошадь и дал ему в заплате за нее денег обязательство, котораго не выполняет. Человек этот прибежал к полиции, но полиция не входит в это дело потому, что обязательство не на гербовой бумаге написано. Я уверен, что вы в сей справедливой прозбе его дать ему руку помощи вашей не отречетесь, естли только это возможно. С истинным и совершенным почитанием имею честь быть, вашего превосходительства покорнейший слуга Александр Шишков. Февраля 16 дня 1833 года".¹²

Об адресате писем 1797 — 98 гг. Дарье Алексеевне Шишковой мы знаем очень мало. Не известен ни год ее рождения, ни дата их свадьбы с Шишковым. Умерла Д. А. Шишкова в сентябре 1825 г., прожив с мужем около 30 лет.¹³ С любовью описавший ее С. Т. Аксаков сообщает, что она была голландка и лютеранка.

Д. А. Шишкова, урожденная Шельтинг, происходила из семьи потомственных мореплавателей. Ее дед голландец Вейтбрант

Шельтинг (W. Schelting) был принят в русскую службу в 1704 г. в чине капитана и дослужился до чина шаутбенахта, т.е. контр-адмирала; скончался 18 июня 1718 г.¹⁴ Его сын — Алексей Шельтинг (получивший по русской традиции отчество — Елизарович) начал свою службу во флоте волонтером в 1729 г. (возможно, что А. Шельтинг родился уже в России), участвовал в Камчатской экспедиции В. Беринга (с 1733 по 1744 гг.), потом плавал в Балтийском море, в 1772 г. в чине контр-адмирала назначен главным командиром Ревельского порта¹⁵. Умер 17 февраля 1780 г.¹⁶ К сожалению, в послужных списках А. И. Шельтинга отсутствуют сведения о его жене и детях¹⁷. Во всяком случае кроме Дарьи Алексеевны в семье была еще дочь Екатерина, в замужестве Хвостова — многократно упоминаемая Шишковым в письмах Катерина Алексеевна. О ней, как о домашнем человеке в доме Шишкова, пишет в своих воспоминаниях С. Т. Аксаков, называя ее женщиной замечательной по уму и прекрасным качествам.¹⁸

На родственнице Катерины Алексеевны (по мужу — Александру Ивановичу Хвостову) — Софье Александровне Хвостовой — в 1798 г. женился брат Шишкова — Ардалион Семенович (эта женитьба и обсуждается в публикуемых письмах). Впоследствии их сыновья воспитывались в бездетной семье Дарьи Алексеевны и Александра Семеновича Шишковых. Старший из племянников — Александр Ардалионович (1799–1832) — вошел в русскую литературу под именем “Шишкова 2-ого”.¹⁹ Однако его судьба целиком принадлежит следующей эпохе, своеобразной прелюдией к которой являются публикуемые ниже письма.

1 из Риги²⁰

Декабря от 16 числа 1797 году

Друг мой Дарья Алексеевна!

Разставшись с тобою в Нарве я ехал днем и ночью ни где не останавливаясь. Дорога была хороша и мы без всяких досадных приключений доехали до Риги благополучно. В Дерпте встретился со мною Сергей Алексеевич Кожин, котораго я просил, что б он к тебе заехал и обо мне сказал, что он меня видел. И так как он мне ето сделать обещал, то и надеюсь, что ты прежде получения сего письма от него услышишь. Сюда приехали мы севодня поутру

в четыре часа; разделись и уснули не много; а в девять часов пришел ко мне Христофор Иванович Бекендорф,²¹ к которому мы лишь только было собирались ехать. Он позвал нас к себе обедать. Мы теперь лишь отобедали у него и приехали в трактир, где остановились. В пять часов будет он опять к нам, и мы поедem в театр, на котором будут играть севодни комедию Hagestolzen.²² Между тем я велел переправить за светло карету на другую сторону реки, и думаю отправится отселе после театра в ночь. Говорят, что через Польшу дороги очень дурны, и так я не надеюсь в перед так покойно ехать, как сюда доехал. Со стороны моего здоровья благодаря бога я ничего не чувствовал, и кажется дорога не делает мне ничего худова; кроме того что варение пищи так же худо, как и прежде было, и думаю что без лекарств не обойдусь. Молодой товарищ²³ мой здоров, и я очень им доволен; нахожу в нем столько любопытства и знаний, как желать нельзя больше в его лета; притом поведения тихаго и скромнаго; ето ты можешь сказать отцу его и матери, и притом скажи, что я не для того пишу сие, что б им польстить, но для того, что ето действительно правда, а иначе я бы промолчал; и ему етова письма не показываю, дабы он не знал какова я об нем мнения. — Письма его положу я в мой конверт, и ты можешь получа их сама отвезти, или отослать, как заблагорассудишь. Кажется мне, что вы не пробудете так долго в деревне, и что когда письмо сие дойдет, то уже вы все будете в Петербурге. Скажи брату Ардалиону, что б он хозяйничал как хочет по своей воле, что б только ему не скучно было; звал бы к себе гостей и играл в бостон. Александру Ивановичу, Катерине Алексеевне и Софье Александровне мой поклон. Очень жалею, что они без меня у тебя будут. Компания приятная, а я от ней должен был уехать. Катерине Ильинишне,²⁴ Петру Ивановичу, Марье Савишне и всем от меня кланяйся. Напишите все сообща ко мне письмо в Вену, вы очень меня утешите. Прощай мой друг и будь здорова. Сейчас пришли сказать что через Двину не очень хорошо в сумерки переправляются, и так должно выезд отселе отложить до разсвета. Прощай. Цалует тебя верный твой друг А. Ш.

Любезный брат Ардалион Семенович" Не оставь без меня жены, и поживи с ней покудова можешь, пиши ко мне, и делай что б тебе было не скучно и не тянуло бы тебя в Москву или в деревню. Впрочем будь здоров и люби вернаго своего брата и друга А. Ш.

2

Декабря от 20 дня 1797 году из Вильны

Друг мой Дарья Алексеевна.

Хотя я и писал к тебе вчера с генерал-майором Муравским, встретившимся со мною на дороге, однакож так как завтра отправляется отсель почта, то и севодни пишу. В первом часу по полуночи приехал я севодня в Вильну, и долго едучи по ночам и не раздеваясь, думал уснуть по покойнее, однакож обманулся. Часа с три ездили мы по городу и на силу наконец отыскиали пристанище; пустили нас уже в пятом часу в один дом и в нем отвели холодную горницу, в которой я принужден лечь опять нераздеваясь, уснуть до утра. В девятом часу встал, переоделся и пошел к Князю Николаю Васильевичу Репнину;²⁵ но на дороге встретился нам генерал-майор Кологривой,²⁶ которой сказал, что князя нет дома и зазвал нас к себе. У него мы напились кофию, и пошли к князю, которой между тем приехал. Тут отобедали, а повозки и экипаж свой из того дома, в котором мы пристали, велели перевезти в дом к Дмитрию Петровичу Резвому, которой здесь нечаянно встретился с своим племянником, приехавшим со мною. После обеда мы пошли смотреть здешнюю обсерваторию, и оттуда проехали домой. Между тем Князь Николай Васильевич прислал меня звать переехать к нему в дом, где он приказал для меня отвести комнаты. Я поблагодарил его за милость, и просил позволения, так как я уже пристал у Резваго, у него и остатся. Дома пробыл небольшое часа поехали мы сделать визит к здешнему почтмейстеру Ивану Григорьевичу Чуфризелю, с которым я у князя познакомился, и которой сказал мне, что он знаком с братом Ардалионом. У него посидев с час поехали мы в его карете четверо, а именно жена его, Кологривой, я и Павел Иванович, в театр, на котором играли на польском языке комедию Пигмалион и Галатея.²⁷ Театр и актеры очень изрядные; мне в первой раз случилось слышать польскую комедию, и по сходству сего языка с нашим странно было иногда разуметь ясно, а иногда не разуметь ни слова, что говорят. Из театра поехали уже мы в санях к Кологривому; а от него в девять с половиною часов в реду, то есть в здешнее собрание, на котором было человек до ста мужчин и женщин. Это сказывают было самое малое собрание, а по другим дням бывает гораздо больше. Тут пробыли мы до второва часу; молодой спутник мой танцевал, а я играл

в карты в вист по дватцати червонных роберт.²⁸ Из женщин на мои глаза лучше всех была госпожа Лапа. После ужина поехали мы домой, и я как скоро приехал, то хотя и очень желаю полежать на спокойной постеле, однако ж что б подробнее описать тебе историю севоднишняго дня, то принялся скорее за перо и написал. Пора спать. Прощай. Завтра еще что нибудь напишу.

21 числа.

Я хотел севодня отсель уехать, однако ж уговорили меня остатся до утра, что б в вечеру быть на бале у одного польскаго маршалка, которой меня сам сегодня звал. Обедал я у Князя. После обеда ездил смотреть некоторых любопытства достойных здесь мест. Теперь шестой час и я только лишь приехал домой. Через час поеду опять к Князю и с ним отправлюсь на бал, а завтра поутру уже пушусь в путь, котораго мне осталось еще с лишком тысячу верст. Сие письмо хотел я послать на почте, но как севодни пришел ко мне Николай Силиверстович Муромцов, которой завтра же отправляется в Петербург, то я и разсудил лучше с ним послать. Ты с ним конечно увидишься, и так он тебе личное привезет известие. Прощай, мой друг; будь благополучна и здорова. Остаюсь твой верный друг

Александр Шишков.

Любезный брат Ардалион Семенович! Из письма моего жене увидишь ты, что я здесь в Вильне позажился. Был в театре, в редуте, и зашел в одну особливую горницу, где увидел довольно число людей играющих в пикет на трех или четырех столах. Я однакож не пристал, а только посмотрел. Знакомых здесь нашел только Якова Ивановича Булгакова, да Федора Федоровича Зубова. Отпиши братец как ты будешь время провождать. Напишите пожалуйста к Митрухину и ему от меня кланяйтесь и о моей поездке уведомте его. Скажи Дарье Алексеевне, что б она поговорила Петру Ивановичу Новосильцову о грамоте на пожалованную мне деревню,²⁹ и отдала бы за нее остальные денги, сколько придется, когда она будет готова. Прощай и будь здоров. К тетушке отпиши от меня поклон. Верный твой брат А. Ш.

Катерине Алексеевне, Александру Ивановичу, и Софье Александровне приношу мой нижайший поклон; и желаю что б они здорово и весело проводили время в Петербурге.

3 из Бреста

Декабря от 26 дня 1797 года

Друг мой Дарья Алексеевна!

Писал я к тебе из Риги, из Ковны, из Вильны, и теперь пишу из Бреста, последнего нашего города в Польше. Надеюсь что ты уже некоторыя из писем моих получила, а прочия по очереди получать будешь. Но теперь не прежде уже писать к тебе могу, как по приезде моем в Вену, от которой я теперь нахожусь в семистах семидесяти верстах, и так надеюсь быть там к новому году или около того. Третьевадни проезжая городок Слоним заехал я к знакому <так! — Л. К.> мне человеку Дмитрию Федоровичу Козлову, и у него отобедав продолжал путь свой, а севсдни ужинаю и ночью у здешняго полку шефа Карла Федоровича Толя, которой просил меня чтоб я от него тебе кланялся. Завтра с светом вдруг отселе еду. О своем состоянии скажу тебе, что я все таков же как поехал, но благодаря бога и хуже себя не чувствую; ем довольно много и без разбору что случится. Способу нет в дороге диет держать. Еще тебе скажу, что я етакой дороговизны в платеже прогонов никак не ожидал. По сю пору вышло уже у меня около осми сот червонных, а еще тремя стами вряд до едули. Из Вильны хотя я и писал к тебе, однако ж об некоторых вещах не уведомил, и так здесь дополню. В пследней день мы были на бале, где видели всю здешнюю публику и не малое число женщин весьма приятнаго обхождения. Все было хорошо и ужин богатой, только как стали делать партии играть в карты, то мы почти должны были быть без игры потому только что третьяго ломбернаго стола не было в доме, а на двух уже играли: на силу из другога дома через полчаса принесли нам стол, и мы сели играть. Также был в здешнем анатомическом театре, где между прочими вещами видел в спирте чуднаго уroda, родившагося в некоторой близкой от Вильны деревни как сказывают не очень давно. Одна женщина родила етова робенка, или лучше сказать двух робят сросшихся брюхами, так что кажется один робенок с двумя головами, одна в верху, а другая в низу, и что всего чуднее, то сей робенок был жив девятнатцать дней. Нижняя голова его умерла прежде чем верхняя; потом чрез несколько часов опять ожила; после того верхняя умерла, а нижняя бывшая уже мертвою жила после ней несколько часов, и потом уже и она умерла. Мне показалось ето очень странно, и

я долго рассматривал сего уродца, у котораго обе головы весьма порядочны и без всякаго безобразия как одна так и другая. — Ну прощай, мой друг, пора спать ложиться: хозяин и хозяйка уже ушли, я сел что б к тебе написать сие письмо и самому лечь. — Кажется я обо всем к тебе пишу и не редко, не можешь пожаловаться. Кланяйся брату и гостям своим, как я щитаю что они у тебя. Остаюсь твой верный друг

А. Ш.

4 из Вены

Генваря от 11 дня 1798 года

Друг мой Дарья Алексеевна.

Последнее письмо писал я к тебе из Бреста декабря от 26 числа, откуда мы переночевав у Толя на другой день по утру выехали и нашли дорогу весьма худую и снежную, так что больше пяти и шести миль в сутки не могли уезжать, а ночью по причине темноты и со всем нельзя было ехать. Мы в первую ночь опрокинулись, но к щастью карета не разбилась и никто из нас не ушибся, прочем днем попадались такие буераги и ямы, что ежели бы ночью в такую яму упасть, то бы всем до смерти убится можно было. И так сколь ни медленно ехали мы, но по ночам принуждены были останавливаться в том месте, где смеркалось. Сии места обыкновенно были жидовския корчмы, в которых мы на грязном полу послав солону лежали, и последнюю ночь прошедшаго года таковым же образом провели. На конец насилу дотащились до Кракова, и хотя после такой безпокойной дороги весьма устали, однако ж услыша, что дадут немецкую оперу, пошли в театр, по окончании котораго сели опять в карету и поехали продолжать путь свой. Дорога от Кракова была уже по лучше, однакож не везде, и так мы не прежде могли приехать в Вену как Генваря седмаго числа. Теперь уже четыре дни как я здесь. Посол наш³⁰ принял меня ласково и мы у него почти всякой день обедаем. Он живет здесь по господски. Графиня у него женщина преумная и прелюбезная: у нее здесь большая семья, отец, мать, сестры, и сверх того всякой день у них много посторонних людей бывает. Руских также здесь довольно, из которых между прочими обласкал меня наш генерал Будберг,³¹ бывший послом в

Швеции. Город Вена сам по себе и по положению мест своих весьма хорош, но ни с чем не сравнительна для меня здешняя так называемая Пратская прогулка,³² на ней увидишь ты всякой день то, что в Екатерингофе в день первого мая,³³ с тою разностию, что положение мест гораздо приятнее, и не только никакой тесноты нет, но даже ты можешь находить тут уединение, и видеть по чистой роще или саду бегающих оленей. Она подле самого города, но мне по ней удалось только один раз проехаться, и хотя здесь время сырое, однако ж весьма приятно, и для того я думаю, что летом не пропустил бы я ни одного дня, что б на ней не быть. Впрочем здесь всякой день четыре или пять театров, из которых мы уже в четырех побывали; а вчера были в редуте или по нашему в маскараде. Дом, в котором сие собрание бывает, состоит в двух больших залах с хорами во круг всего зала, по которым также ходят маски смотря в низ на танцующих. Народу было тысяч до двух человек, и всяк одет был кто как хотел, иные в масках, другие просто во фраках. Маскированные как женщины так и мужчины подходят к другим и кричат или говорят притворными голосами, что б их не узнавали. Танцуют мало, и больше резвятся нежели важничают в танцеванье, а когда начнут танцовать миноветы, то смешно смотреть, для того что настанут столько что друг другу мешают, и притом ни кто не танцует кроме мастеровых и мещан. Мы с Павлом Ивановичем приехали в редут в одиннадцатый час и поехали из него в час пополудни. Нам было скучно, потому что никого знакомого не видали, и я с начала подумал что тут никого нет кроме портных и сапожников, и тем больше в том уверился, что увидел наемного человека своего, приехавшего со мною назади за каретою, тут же в шляпе важно расхаживающего; однако после узнал, что все лучшие в городе люди, как женщины так и мужчины, тут же были, в том числе и наша посланница; и севодня за обедом у посла много о веселостях сего редута разговариваемо было; но когда графиня меня спросила в котором часу я оттуда поехал, и я сказал в час пополудни, то она удивилась и говорила, что в это время начинают только приезжать, а выезжают не прежде четвертого или пятого часу. Мне показалось, что это такова рода собрание, в котором не узнаешь кто знатная госпожа и кто торговка; кучер наряженной арликином, или иным каким уродом, танцует тут и резвится с такою же вольностию, как бы он был первейший человек в городе.

Сказывают сам император³⁴ часто тут бывает без маски и во фраке, и его присутствие не отъе­мет ни мало той свободности, с каковою без него обращаются. Для меня сей редут был скучен, для того что ничего больше не делают, как только сидят, ходят, угадывают кто под какою маскою скрыт, и тому подобное; но думаю, что для здешняго жителя, имеющаго у себя много знакомых должен быть очень весел. Ну, друг мой, много я тебе наговорил о здешних моих упражнениях, теперь пора сказать, что я здесь не долее останусь, как только до послезавтраго, и поеду отсель в Дрезден, город отстоящий отсюда четыреста верст. Оттоле ты получишь от меня новое известие, где я буду. Желал бы получить от тебя письмецо, и узнать здоровы ли вы и каково поживаете, но видишь что я из места в место езжу, и не знаю где твое письмо меня найдет. Теперь скажу тебе о своем состоянии: дорога сделала мне великую пользу, так что я благодаря бога стал чувствовать себя гораздо лучше без всяких лекарств, однакож странно, что как скоро поживу несколько без большова движения, то опять начнут по немногу оказыватся теж припадки. Вот я здесь не долее четырех дней живу, и от излишней ли пищи (потому что стол у посла чрезвычайной и трудно удержатся что б не съесть чего нибудь лишняго) или от перерыву движения, но уже чувствую себя несколько хуже нежели как был в дороге. Все, с которыми я здесь говорил о своей болезни уверяют меня, что Карлсбатския воды суть самое лучшее средство для сего рода болезней: и так мне очень хочется в мае месяце там побывать, но как бог велит. Еще скажу тебе, что по дороге и здесь такая дороговизна, от которой я не знаю как мне избавится. Звание мое и свита наша не малая не позволяют мне жить скудным образом, а хоть чуть не нищенски, так ни какова способу нет. Вообрази себе, что я здесь кроме стола, кроме найма кареты, лож в театре, завтрака и всего прочаго, за одни три комнаты плачу по восьми рублей на день. —

От 12 числа.

Севодни я не хотел было никуда ехать, но принесли ко мне афиши, из которых на одном театре играют такую любопытную пиесу, на которую непременно должно съез­дить, и для того я послал взять ложу. Я спишу тебе здесь эту афишу: *Die Strelizen, ein chanspiel in fünf aufzügen*. . . Действующие лица: *Peter Alexieviz, Zaar von Russland; Ein Minister, Ein General; Ossakof* (может быть Ушаков); *Maria*

Pavlovna Ossakova; Fedor Ossakof; Prostoserdorf; Suchanin (это ва уже не знаю кто таков, может быть Сухотин или и Суханин), Ein Offizier, Strelizen; Vache.³⁵ Теперь ты видишь, что нельзя пропустить этой пиесы; надобно своих соотечественников увидеть на театре и послушать что они говорят. — Не дописав письма моего пошел я прогуливаться, и когда возвратился назад, то вообрази как удивился получа от тебя письмо, писанное восемь дней спустя после моего отъезда. Ты пишешь, что мужики к тебе пришли и принесли оброк; очень хорошо, только так ли ты с ними поступила, что б они пошли от тебя довольны, и дома бы рассказали, как ты их приняла и угостила. Ежели так, то очень изрядно. Еще пишешь ты, что б купить тебе здесь кружеров, но я боюсь, мой друг, что куплю тебе чтонибудь ненадобное, или такое, которое мало носят; однако ж посмотрю, ежели успею, для того что завтра к вечеру или после завтра хочется отселе уехать. Мы здесь короткое время были, и мне в городе не удалось ничего любопытства достойного посмотреть, да и некогда было; за тем и ко двору здешнему не представился, что время было коротко и надлежало много писать. Вот как видишь, и к тебе написал не мало. Ну, прощай, мой друг, будь благополучна и здорова. Поклонись от меня Катерине Ильинишне, также и у Ивана Логиновича³⁶ в доме всем, и скажи, что б извинили, что не пишу особливых писем. Право по сие время было некогда. Остаюсь верный твой друг А. Ш.

Любезный брат Ардалион Семенович, благодарю тебя за приписку. Очень желаю, что б тебе в Петербурге было весело, и что б ты не улизнул куда-нибудь; однако дороую часто мне приходило в голову для чего ты не поехал с нами; Посмотрел бы немецкой земли. Поклонись пожалуйста Якову Ивановичу и по благодари его за приписку ко мне. Также скажи мое почтение Василью Ивановичу и отпиши часто ли ты у него бываешь, и все ли по старому там водится. Прощай брат, будь весел и здоров, а мне здесь так по нравилось, что очень не хочется отселе ехать, хотя сказывают, что и в Дрездене хорошо. Переезд не так что бы очень большой, но стращают, что дорога очень худа, и что мы прежде осми дней приехать туда не можем. Ничего нет для меня скучнее, как тащится верст по сороку в сутки. Я теперь лишь приехал из театра, где играли нашего Петра Перваго: пиеса довольно интересная и играли очень изрядно. Завтра я обедаю у посла Разу-

мовского; а после завтра хочется рано уехать. Прощай. Остаюсь твой верный брат и друг

Алекс. Шишков.

От 14 числа.

Ну, мой друг, Дарья Алексеевна, теперь десять часов пополудни, и через два часа, то есть в самую полночь я сажусь в карету и еду отсель. Теперь лишь приехал из театра, на котором давали прекраснейший балет. А вчера я был опять в редуте, где людей было в половину противу прежняго; и вот что со мной случилось: я хожу с одним из здешних по залу, которой по малолюдству людей один только и был освещен, и между прочими разговорами говорю, что мне хотелось увидеть здешняго императора, а он мне на ето отвечает, да как же вы ево не видали, он я думаю раз дватцать с нами встретился, и тотчас мне его указал. Он ходил тут в зале до перваго часу в домине и без маски, и я на него довольно мог насмотреться. Теперь скажу еще тебе о твоей комиссии, о которой я севодни хлопотал. Сказал графине, что ты пишешь о кружевах, и что я их покупать не умею: она так была добра, что взяла на себя ето, но так как я скоро ехал, то она и не знала успеет ли достать, а я между тем на <нее. — Л. К.> не надеясь пошел сам в лавку и купил не знаю сам чего: я говорю кружева, а мне говорят: ето блонды.³⁷ — Ну все равно, мне лишь бы купить чево нибудь и послать; заплатил я за свою покупку восемь червонных. А потом и графиня ко мне прислала, ценою на дватцать на шесть червонных; я к тебе и то и другое посылаю с тем, кто тебе письмо сие вручит; а именно фельдегерь Makeев. Да еще посылаю к тебе коробочку с вещичами разными: ты найдешь в ней пять цепочек, два медалиона, и четыре колечка; да медалион и колечко Павла Ивановича. Все ето подписано на бумажках и цена назначена. Прощай мой друг, пора мне укладыватся.

5

Генваря от 23 числа 1798 года. Из Дрездена.

Друг мой, Дарья Алексеевна.

Последней раз писал я к тебе из Вены помнится от 10 числа сего месяца с фелдъегерем Макеевым и послал к тебе всяких безделиц, каких там закупить мог. Надеюсь что ты их скоро получишь, ибо считаю сего фелдъегеря уже близко Петербурга. Из полученных тобою вещиц отошли пожалуйста что нибудь к тетушке Анне Ермолаевне, также к Марье Михайловне и Марье Петровне, отписав им от меня поклон, а что я сам не пишу ты меня извини: право некогда, так хлопотно, что на силу нахожу несколько минут к тебе написать: а когда в другой раз удосужусь, то напишу к ним. — Ну теперь скажу тебе о продолжении сего путешествия. Из Вены поехав имел я довольно дурную дорогу, и наконец доехали до Праги, прекраснаго очень городка, в котором пробыл до вечера. Был в театре, посмотрел дворец, походил по улицам, прошел два раза по великолепному каменному мосту, уставленному каменными и бронзовыми статуями, и потом на ночь отправился опять в путь. Дорогу нашел еще гораздо хуже прежней, ехал по горам и камением. Два раза проезжал снег и зиму, такую как у нас, и два раза выезжал опять на поля, на которых нет ни снежинки. Четвертаго дни ввечеру приехал я в Дрезден, и на другой день обедал у нашего посланника Местмахера,³⁸ а потом ввечеру был в казине или по нашему в клобе на бале, куда меня со всеми моими товарищами прислали звать по билету. Собрание было довольно многолюдное и хорошее, и продолжалось от пяти до девяти с половиною часов. Танцевали в одном зале, а в прочих играли в карты. Павел Иванович и лекарь танцевали, а я играл в вист роберт по нашему щету рублей по семи. Игорка не раззорительная. Вот все, что я по сию пору здесь делал, и ничего еще не успел посмотреть. Много очень надобно писать и я сижу все дома.

Генваря от 24 дня.

Севодня обедал я у князя Путятина, которой живет здесь с женою и дочерью. Прошел несколько по городу и по лавкам, и потом остаток дня был дома. Писал бы к тебе долее, но так устал от многова писанья, что голова кружится и для того ложусь поскорее в постелю.

от 25 числа

Севодня получил я от тебя письмо: очень рад, что вы все вместе и желаю, что б вам было весело. Только не знаю, что у вас с Ардалионом за секреты: по слогу твоего письма ты так слов его стыдишься, словно как бы он хотел открыть мне, что за тебя сватается. Трудно нашему брату простаку угадать что у вас на уме. Однако ежели он стал за тобою волочится, так вить и я здесь промоху не дам: у меня здесь княгиня из окна в окно, и теперь лишь только от ней, попивали чаек вместе. Но без шуток эта княгиня очень меня одолжила: я вчера обедавши у них при первом знакомстве просил ее, что б она купила мне для тебя каких нибудь здешних вещей; она севодни сама ездила по лавкам выбирать, и так как она верно лучше меня в етом толк знает, то и думаю, что ты довольнее сими покупками будешь, нежели когда бы я сам купил. Посылаю к тебе щет, которой она ко мне прислала и с посылкою со всем увязанною. — Вот, мой друг, ето уж твое щастие. Я сперва просил об етом дочь нашего посланника, а потом княгиню. Княгиня прислала прежде, а потом смотрю и баронесса прислала другова посла с вещами: и так еще в другой связке посылаю к тебе кажется три платка шитых золотом и две шали. Один из етих платков подари от меня Анне Петровне Кутайсовой; и извини, что я не писал к ним отседе особливаго письма. Хотел приписать в письмах Павла Ивановича, но он уже их запечатал, а курьера спешим отправлять. И так ты получишь от меня с сим посланным (фелдъегерем Крепышем) две посылки, которым счеты и цены в сих письмах найдешь. Я право не знаю дешево ли или нет против наших цен, но ежели дешево, и тебе захочется еще что нибудь, то пиши ко мне. Когда посланный обратно ко мне поедет, то нехудо ежели б ты нашла у себя рублей тысячу и разменяв на червонцы с ним ко мне прислала. — При сем прилагаю к тебе письмо от Павла Ивановича и рисунок нашему жилищу, которое однакож я намерен оставить и перейти в другое, для того что в трактире жить чрезавычайно дорого: щеты подают все аптекарские, а нас семейка не малая. — Приложенныя при сем письма к Катерине Ильинишне и Логину Ивановичу отошли. — Ежели Александр Иванович и Катерина Алексеевна еще у нас, то поклонись им от меня и поблагодари за их ко мне переписку а ежели уже уехали, то отпиши к ним; особливаго письма не пишу за тем, что истинно от писанья голову разломило. — О

себе скажу, что я по сие время благодаря бога не принужден был употреблять лекарств, однако ж проскакивают иногда времена, что чувствую тоже как и прежде: для того очень желается, что б позволено мне было съездить в Карлсбад и попить тамошних вод, а вослибо оне не помогут, как все меня в том уверяют. Со мною встретились здесь несколько щекотливыя обстоятельства,³⁹ и так ты можешь чрез кого нибудь наведатся довольны ли мною будут или нет. — Ну прощай, мой друг, желаю что б ты была здорова. Поклонись от меня Петру Ивановичу Новосильцову, и по проси его о грамоте на пожалованную деревню. Также Ардалиону Александровичу и всем, кто обо мне спросит. — —

— —

Любезный брат Ардалион Семенович!

Благодарю тебя за письмо; не знаю от чево тебе тесно и что у тебя за шашни с моею женою: она подхватывает твои слова, словно как бы опасаясь, что ты много мне сказал; а ты потом вымарываешь то, что она написала: ето очень подозрительно. Я намерен здесь купить трубу, в которую буду смотреть на все ваши движения и шопоты. — Все со мною приключения можешь ты читать в письме моем к ней, а о своих пиши пожалуйста ко мне, что вы по дельваете. Поклонись от меня Василью Ивановичу, и всем нашим знакомым, Тучкову, Кокушкину и проч. Пожалуйста не забудьте написать к Митрухину, и обо мне тут же упомяните, также и к тетушкам. Прости, любезный брат, и будь здоров. Посылаю к тебе здешний гостинец.

26 числа

Еще, друг мой Д. А. сверх двух надписанных к тебе посылок, завернутых в клеенку, получишь ты табакерку с разными вещицами, из коих часы отошли к Анне Петровне. Павел Иванович послал их к ней. — Два крестика принадлежат к тем щетам, кои здесь найдешь. Марошницу можешь со временем подарить такой барыне, которая любит играть в вист. Серьги возьми себе, а табакерку и перстень подари от меня брату Ардалиону за то что он за тобою волочится. — Прощай и будь здорова. Остаюсь твой верный друг

А. Ш.

P. S. Я братец хотел послать к тебе только один перстень, антик, высокой цены, без трех нулей пять тысяч червонных; а табакерки не хотел посылать, да не было коробочки, во что положить вещи, и так твое счастье: а ты видишь сколько на ней генералов; чево это стоит.

— Время еще было несколько и так я успел написать два письма, одно к Митрухину, а другое к тетушке, припиши в них и отошли пожалуйста. — Да признайся, что я не ленив стал писать.

Дрезден, Февраля 3 число в 10 часов по полудни

Друг мой Дарья Алексеевна. Сей час пришед из театра получил я твое письмо, которое нимало меня не удивило, потому что я етова ожидал, и из прежнего письма вашего уже заключил, о чем в последующем будет ко мне писано; в чем я и не обманулся. Хотя ни ты, ни брат, ничего мне об етом не говорили, однако я это уже наперед видел, и за тем у тебя никогда пристально спрашивать не хотел, что знал, о чем ты меня в ответе своем уведомишь. В предыдущем моем письме писал я к тебе шутку, что будто между вами есть какие то шашни. Под етого шуткою я точно разумел, о чем севодня получил известие. Намерение братнее я еще бывши в Петербурге проник, но не хотел начатием разговора об етом подать ему повод к изъявлению сокровенных мыслей его, которыя и так уже искали случая вон вырваться. Тем паче почитал я за нужное воздерживатся от моего любопытства, что я наперед обдумал ето, и находил в мыслях моих, что я не имею ни какой справедливой причины ни побуждать его на то, ниже отвращать. И так предоставлял ето судьбе и собственному его решению. В письме своем изъявляешь ты великое безпокойство в разсуждении свойства, которое ты называешь родством, но эти два слова различны. Я тебе на ето скажу, мой друг, так как я думаю. Конечно почитать закон и установленныя правила всякому честному человеку должно, и я презираю того, кто етим шутит или не уважает; но здесь я ничего не вижу, что бы могло безпокоить совесть. Степень родства имеет свои пределы,

и сам закон пределы сии поручил разбирать духовенству, и так ежели оно не находит в том затруднения, то никакой причины к сомнению не остается; да сверх же того здесь дело идет о свойстве, а не о родстве. Ежели уже от митрополита ето позволено, и судьбе так угодно, то скажи Софье Александровне, что я противу етих двух сильных людей спорить не намерен, и охотно соглашаюсь перекрестить ее из племянниц в невестки. Но что б не все писать важное, скажи пожалуй, что ето за дом такой, где все три брата в нем переженились? Однако ж бывшая племянница и будущая невестка со своею naïveté из подтишка подкралась: я знаю, кто все ето дело сладил; знаю чья была хитрость: Варинька с Бибишкою всему причиною. Оне все бегали, да шептались, и сыскали каковато мальчишку, которой из Сижни в Савостьяново стрелять умеет, и цельнее нежели сам Нолкин. — Добро, прощайте; жаль мне, что я не с вами, и что далеко от вас сидя и важничаю и балагурю.

4 число

Я не знаю с кем послать мне ето письмо, по почте ли, или с офицером нашим графом Сент-При, которой дни через два отселе едит и должен к первому числу будущего месяца быть в Петербурге. Посмотрю как лучше. Все твои три письма, моя душа, я получил верно; о своих также не сомневаюсь, потому что я одно только из Бреста послал по почте, а прочия все с оказиями. Завтра или после завтра, думаю, получишь ты и то письмо, которое я пред сим к тебе писал, причем была и посылка. — Ты в последнем письме своем пишешь ко мне о помолвке братней, а совсем ничего не упоминаешь ни об Александре Ивановиче ни о Катерине Алексеевне, у нас ли они еще, и на долго ли располагают остатся в Петербурге; я только потому считаю вас всех вместе, что ты упоминаешь об Андреане Ивановиче, и говоришь: все бегают и все тебе кланяются. Катерина Алексеевна в прежней записочке своей пишет ко мне, что она только что проснулась, не пила еще кофею, и желает мне возвратится жирным и толстым, а ничего не намекнула о том, что у них с Ардалионом происходят некоторыя конвенции и оперенции, такия — чуть было не сказал, лукавица! добро матушка! смотри, что б я возвратясь не нашел другова ково толстым или толстою. — Скажи им, что я от всей души моей их с етим поздравляю, и очень рад вступить с ними еще в тесней-

шую связь,⁴⁰ для того, предчувствуя это, послал к тебе из Вены столько золотых цепей, дабы всем нам кругом ими опутаться.

5 число

Ну что тебе сказать еще мой друг? я благодаря бога хоть не могу себя назвать здоровым, однакоже припадок свой не так чувствую в себе сильным. Третьева дни был у меня один из здешних придворных докторов, с которым я советовался. Он сказал мне, что лекарств никаких кроме весьма слабых принимать я не должен, и советовал ехать в Карлсбад; только не прежде начать пить воду как в начале июня и при строгом диете продолжать четыре недели, а потом ехать в Егер и еще две недели употреблять Егерския воды. А между тем предписал мне здесь садится в ванну, что я уже сделал один раз. Впрочем хотя здесь не так весело жить, как в Вене, однакож мы поживаем довольно изрядно. Прежнее свое жилище, которому тебе план послали, мы оставили, и перешли жить в другое, которое гораздо лучше, дешевле и спокойнее, и так я новою своею квартиркою весьма доволен. Ко двору здешнему я еще не представился, да и не знаю хорошенько представляюсь ли, для того что надобно разослать пропасть визитных карточек и билетов, а я как ты знаешь не очень до етова охотник. Почти всякой день здесь какое нибудь публичное собрание, или театр, или казина, или редут, или пикник, однакож я не часто на них бываю, потому что партий иных нет, как в вист по полтине. В бостон совсем неиграют. И так я всякой раз отправляю за себя Павла Иван. <овича> с лекарем, которые там упражняются в танцах. Вот и теперь отправил их туда, между тем как сам сел к тебе писать. Иногда вечер провождаю у министра нашего, а больше дома сижу. Вчера смотрел здешнюю галерею наполненную множеством картин чрезвычайнаго искусства и работы, где между прочими видел славную Коррежжиеву Ночь и богоматерь Рафаилову,⁴¹ две подлинно удивления достойныя картины; а севодни поутру ходил смотреть покои известные под именем Грине гевельбе,⁴² в которых хранятся сокровищи здешняго курфиршта. Тут между прочими разнаго рода старинными работами каменными, костяными, серебряными, золотыми и проч. видел такое множество бриллиантовых вещей, осыпанных самыми крупными камнями, что мне казалось ни одной вещи не было, которая бы не стоила нескольких сот тысяч

рублей. — Ну прощай, мой друг, я решился послать сие письмо с графом Сент-При, ибо не надеюсь, что б оно по почте скорее дойти могло. —

Ты пишешь о землянике, что послать хотела; но далеко, мой друг, трудно везти, и так хорошо коли не пошлешь. Я в Вильне нашел из ней варенье и взял целую банку, которая вся изошла, а здесь найти не могу. Впрочем я не знаю долго ли здесь пробуду и куда отсель поеду, потому что это не от меня зависит. Поздравь от меня Катерину Ильинишну с новым чином.⁴³ Больше не о чем тебя уведомить. Прости и будь здорова. Остаюсь верной твой друг А. Ш.

6

Дрезден. Февраля от 4 дня 1798 году

— —

Любезный брат Ардалион Семенович.

Благодарю тебя за дружеское мне объявление о твоём намерении. Бог да подаст тебе в оном щастие и утеху! Как скоро выбор твой уже сделан, так скоро не можешь ты сомневаться, что б оный не был купно и моим выбором; а что не сказал ты мне об этом прежде, я отнюдь не приписываю это холодности твоей ко мне дружбы, но затруднению откровенности в подобных обстоятельствах: ибо знаю, что долгое колебание мыслей и не решимость нашу, в таких случаях, обыкновенно решит одна минута: и так весьма бы я не справедлив был, если бы стал роптать, для чего сия минута, не в нашей воле состоящая и судьбою нам определяемая, случилась после, а не прежде моего отъезда, или бы принял его за знак малой твоей ко мне доверенности и дружбы. Чего ради прошу тебя с етой стороны не иметь того беспокойства, которое ты в письме своем ко мне изъявляешь, и для вящего твоего в етом успокоения, еще и то скажу, что открывшись мне наперед, прежде собственного твоего на то решения, ты бы привел меня в затруднение: я бы не знал, что тебе на это сказать; ибо мое мнение о браках таково, что все те, которые видя двух сочетавающихся, толкуют и судят об их щастии или нещастии, называя обыкновенно одного из них щастливейшим другого, говорят по большей части пустое, занимаются етим только на тот раз, а после прекращают

свои толки, и ежели бы чрез некоторое время ктонибудь изобличил их, что они тогда не праведно рассуждали, и что со всем противное тому случилось, тогда бы весь ответ их состоял в том: правда, но в то время нам так казалось. Сей ошибке равно подвержены быть могут, как посторонние люди, так и те, кои называются нашими друзьями и самое величайшее в нас участие принимают. И так как скоро в каком браке нет чрезвычайного неравенства, или чегонибудь постыдного, так скоро ни какова совета подавать не лзя, а должно предоставить решение самому тому, кто к етому приступает. Следовательно при подобных твоих обстоятельствах, и при сих правилах моих, ежели бы ты и прежде открылся мне, я бы ничего инаго не мог тебе сказать, как только следующее: подумай сам и сделай то, что присоветует тебе твой ум и твое сердце; а мне как брату твоему и другу остается только просить бога и желать, что б в случае твоей решимости не имел ты никогда причины сожалеть о том, и что б по прошествии многих лет ты столько же выбором своим был доволен, сколько ты им теперь утешаешься. Вот что бы я тогда тебе сказал; тож самое и теперь говорю. Впрочем приемлю совершенное участие в твоей радости, и как тебя, так и будущую твою от всего моего сердца поздравляю. Будьте оба столько благополучны, сколько я вам желаю. — Ну братец! после безшуточных размышлений можно и пошутить: ты изъявляешь мне опасность свою, что ты почти вдвое старше, чем она; я не знаю имеешь ли ты причину опасатся етова или нет, но только мне не очень приятно, что ты ко мне ето пишешь: я не люблю как меньшие братья твердят мне о своей старости; ежели бы ты был старший брат, так бы мне нужды до етова не было. Пожалуйста впредь по воздержись от етаких мне напоминаний. Признатся тебе, что я уже ожидал от тебя уведомления твоего, из письма моего к жене ты ето увидеть можешь; однакож не мог воздержатся от различных чувств, которыя при чтении твоего письма мною владели: объявление имени твоей невесты; странность ета, что судьба всем троим привела нам в одном доме женится; воображение, что ты еддишь уже не в Англинской клуб и не в бостон играть, но куда же? к митрополиту просить разрешения женится! все ето вместе иногда меня удивляло, иногда трогало, иногда приводило в смех. В иное время письмо твое подавало мне случай размышлять, как часто в свете делаются такия приключения, которых ни кто себе прежде вообразить не мог; в

другое как истинный брат и друг твой желал тебе всякого благополучия в твоих начинаниях; а в третье смеялся иногда представляя тебя в великой заботе спешащего мысли свои открыть, или едущаго просить о позволении, и признаться тебе, что *roui rendre la scene plus comique*⁴⁴ весьма желал, что б в это время встретился с тобою любезный наш Петр Андр.<еевич> и начал тебе рассказывать какую прошедшаго года проиграл он игру в бостон. — Виноват, любезный брат, прости крайнюю мою глупость: намоловши столько я уже поздно спохватился, что тебе не до того, что б читать такия длинныя письма. Прощай будь благополучен и здоров, и — даром что женишься — однако не переставай любить вернаго своего брата и друга

Александру Шишкова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 С. Т. Аксаков свидетельствует, что после смерти А. С. Шишкова его книги и бумаги попали в руки торговцу, продававшему их на Апраксинском рынке (см.: Аксаков С. Т. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Собр. соч. в 3-х т. — М., 1986. — Т. 2. — С. 271. Далее: Аксаков).
- 2 Начатая А. Г. Тартаковским в части, посвященной эпохе 1812 г. См.: Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. — М., 1980. — С. 49—51 и др.
- 3 См.: Письма А. С. Шишкова к Д. А. Шишковой: 16. XII 1797 — 20. VIII 1798 // РО ИРЛИ. — Ед. хр. 9180 — 48 л. Текст писем воспроизводится нами с максимальным сохранением особенностей орфографии и пунктуации оригинала, что представляется нам необходимым, учитывая потенциальный интерес к тексту историков русского литературного языка. Оговоримся, что мы унифицировали написание с заглавной буквы всех имен и названий, а также первого слова фразы после точки. Шишков, вполне в традициях XVIII в., непоследователен в употреблении строчных и заглавных букв.
- 4 Вторая часть писем будет опубликована в следующем томе "Трудов по русской и славянской филологии".

- 5 А. И. Васильев пишет лишь о финансовом обеспечении поездки. См.: ЦГИАЛ. — Ф. 1673. — А. С. Шишков. — Оп. 1. — Ед. хр. 123. — Л. 4.
- 6 См.: Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. — Берлин, 1870. — Т. 1. — С. 44–46. Далее: Записки, мнения и переписка.
- 7 Там же. — С. 49.
- 8 Там же. — С. 51.
- 9 Впечатления от пребывания в Швеции отражены в повести Шишкова "Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции, в 1771 году" (см.: Полн. собр. соч. и переводов адмирала Шишкова. — Спб., 1828. — Т. 12), а трехлетнее плавание описано в раннем эпистолярном романе-путешествии (см.: Русская старина. — 1897. — № 5–7) и в позднейшей его переделке: Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путешествия его из Кронштада <так! — Л. К.> в Константинополь. — Спб., 1834.
- 10 Здесь письма лишь подтверждают облик молодого Шишкова, каким он предстает в "Записках... во время путешествия...".
- 11 Аксаков. — С. 255.
- 12 См.: РО ИРЛИ. — Ед. хр. 3851. — Л. 6.
- 13 См.: Записки, мнения и переписка. — С. 262.
- 14 См.: Общий морской список. — Спб., 1885. — Ч. I. — С. 420–422.
- 15 См.: Там же. — Ч. II. — С. 485–487.
- 16 См.: ЦГАВМФ. — Ф. 172. — Оп. 1. — № 318. — Л. 33.
- 17 См.: ЦГАВМФ. — Ф. 212. — Оп. 1770. — ! 13. — Л. 17-20; 49.
- 18 Аксаков. — С. 259.
- 19 Наиболее подробная биография А. А. Шишкова, а также многие ценные материалы об А. С. Шишкове содержатся в кн.: Шадури Ваню. Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. — Тбилиси, 1951.
- 20 Письма пронумерованы (иногда с обозначением места, где они написаны) Д. А. Шишковой.
- 21 Конечно, имеется в виду Х. И. Бенкендорф (1749–1823), генерал от инфантерии, отец известного гр. А. Х. Бенкендорфа.
- 22 Hagestolz — старый холостяк.
- 23 Павел Иванович Кутайсов (1782–1840), впоследствии — граф, действительный тайный советник и член Государственного совета. В "Записках" А. С. Шишков подробно описывает свои конфликты с сыном всесильного временщика, кото-

- рые — при всей их незначительности — могли иметь для него далеко идущие последствия (см.: Записки, мнения и переписка. — С. 56 — 57).
- 24 Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова, урожд. Бибилова (1754 — 1824), жена полководца М. И. Кутузова. Была родственницей А. С. Шишкова: ее мать — Варвара Никитична Бибилова, урожд. Шишкова и отец Шишкова — Семен Никифорович — были двоюродными. Е. И. Кутузова была близким человеком семьи Д. А. и А. С. Шишковых, что отмечает и С. Т. Аксаков в своих воспоминаниях.
- 25 Князь Н. В. Репнин (1734 — 1801), видный военачальник и дипломат, одна из ведущих фигур при разделах Польши. Как активный масон подвергся опале после процесса над Н. И. Новиковым и был назначен генерал-губернатором Рижским и Ревельским (что явилось для него почетной ссылкой). В 1794 г., сохраняя прежний пост, стал управляющим Литовских и Белорусских земель, отошедших к России в результате раздела Польши. Доверенное лицо Павла I; был пожалован при вступлении Павла на престол в генерал-фельдмаршалы.
- 26 Имеется в виду Андрей Семенович Кологривов, один из любимцев Павла I. В "Записках" Шишков рассказывает следующий эпизод, относящийся к его пребыванию в Вильне и связанный с Кологривовым: "В один день, князь Репнин и мы приглашены были к одному из тамошних жителей обедать. Четверо нас поехали туда в княжеской карете. Князь и я сидели в большом месте, а перед нами — генерал Кологривов с Кутайцовым. Дорогою зашла речь о карете, которая была на старинный образец, но еще нова и прекрасна. Князь сказал нам, что он купил ее к своей свадьбе, и что с тех пор ездит на ней без починки. — "Даже", промолвил он, "любимое мое, редкой величины переднее стекло, через столько лет сохраняется в целости". — В это время, Кологривов, сидевший к сему стеклу спиною хотел оборотиться, чтоб на него посмотреть, и рукояткою шпаги своей так в него толкнул, что оно разбилось в дребезги. Хозяин, хотя и обратил это в шутку, однакож вероятно случай сей был для него неприятен" (Записки, мнения и переписка. — С. 48 — 49).
- 27 Возможно, имеется в виду пьеса Ж.-Ж. Руссо "Пигмалион".
- 28 Червонный (червонец) — русская золотая монета достоинством в 3 рубля. Роберт — т.е. роббер (круг игры, состоящий из трех партий).
- 29 Речь идет о юридической процедуре по введению А. С. Шишкова во владение собственностью, высочайше пожалованной

ему "в вечное и потомственное владение" 5 апреля 1797 г., а именно — 250 крепостных душ и земли в Тверской губернии, Бежецком уезде, Козловской волости.

- 30 Граф Андрей Кириллович Разумовский (1752—1836) — племянник тайного мужа императрицы Елизаветы. Дипломат, русский посол в Вене с 1792 по 1799 и с 1801 по 1806 г. (в 1799—1801 был подвергнут опале и отстранен от должности). С 1806 г. до конца жизни прожил в Вене как частный человек. Имел большие связи в австрийских придворных кругах, сделался одной из достопримечательностей Вены. Во время Венского конгресса 1815 г. принимал участие в дипломатических переговорах и получил титул светлейшего князя. Тонкий знаток и ценитель музыки, А. К. Разумовский принимал у себя в доме Гайдна, Моцарта, Бетховена. Далее Шишковым упоминается первая жена Разумовского — Елизавета Осиповна, урожд. Тун-Гогенштейн (1770—1806).
- 31 Барон А. Я. Будберг (1750—1812) — доверенное лицо Екатерины II, один из воспитателей великих князей Александра и Константина Павловичей. Устраивал брак вел. кн. Константина, а затем вел. кн. Александры Павловны с шведским королем Густавом IV. В конце царствования Екатерины II был послом в Швеции; Павел I уволил его от должности посла, однако наградил чином тайного советника, солидной пенсией и отправил с отпуск для поправления здоровья. В 1806—07 гг. А. Я. Будберг был министром иностранных дел.
- 32 Имеется в виду знаменитый венский парк *Der Prater* на острове Пратер.
- 33 Екатерингоф — загородная резиденция, основанная Петром I в память первой морской победы над шведами. Во второй половине XVIII в. екатерингофская дорога стала местом праздничных выездов петербургской знати во время первомайских гуляний (см.: Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. — Л., 1982. — С. 190—191).
- 34 Имеется в виду Франц II (Иосиф-Карл, 1768—1835), император Священной Римской империи с 1792 г.; в качестве императора Австрии (провозглашен в 1804 г.) — Франц I.
- 35 Вероятно, эта драма аналогична той мелодраме "Петр Великий" (на музыку Гретри), которую описывает Н. М. Карамзин в "Письмах русского путешественника" (см. "письмо" из Парижа от 29 апреля 1790 г.). К сожалению, А. С. Шишков, в отличие от Карамзина, ни словом не упомянул о содержании виденной им пьесы.

- 36 Иван Логинович Голенищев-Кутузов-средний (1729—1801), родственник полководца (отец И. Л. Кутузова и дед М. И. Кутузова были братьями), кроме того они были женаты на сестрах. По жене — Екатерине Ильиничне, урожд. Бибиковой — И. Л. Кутузов находился в свойстве с А. С. Шишковым. Адмирал, с 1762 г. до смерти — директор Морского кадетского корпуса, где учился и преподавал А. С. Шишков. При Павле — президент Адмиралтейств коллегии.
- 37 Блонды — вид кружев; изготовлялись из шелка-сырца, поэтому имели золотистый цвет (см.: К и р с а н о в а Р. М. Розовая кандрейка и драдедамовый платок: Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. — М., 1989. — С. 46—49).
- 38 Барон Иван Иванович Местмахер (1732—1805) — посланник в Дрездене, до этого — резидент при дворе князя-епископа Любекского.
- 39 См. вступительную заметку к настоящей публикации.
- 40 Далее (со слов "для того" и до "ими опутаться") фраза зачеркнута рукой А. С. Шишкова.
- 41 "Ночь" (ок. 1530) — картина итальянского художника Корреджо (Антонио Аллегри) и "Сикстинская Мадонна" Рафаэля. Эти картины, правда, в числе других, упомянуты Карамзиным в "Письмах русского путешественника" (см.: Дрезден, 12 июля).
- 42 Т.е. "Зеленый свод" — знаменитая коллекция саксонских ювелирных изделий.
- 43 4 января 1798 г. М. И. Кутузов был произведен в генералы от инфантерии.
- 44 Т.е. "представить сцену еще более комической". Характерно, что А. С. Шишков, в будущем известный своим языковым пурризмом, не чуждается французских фраз.